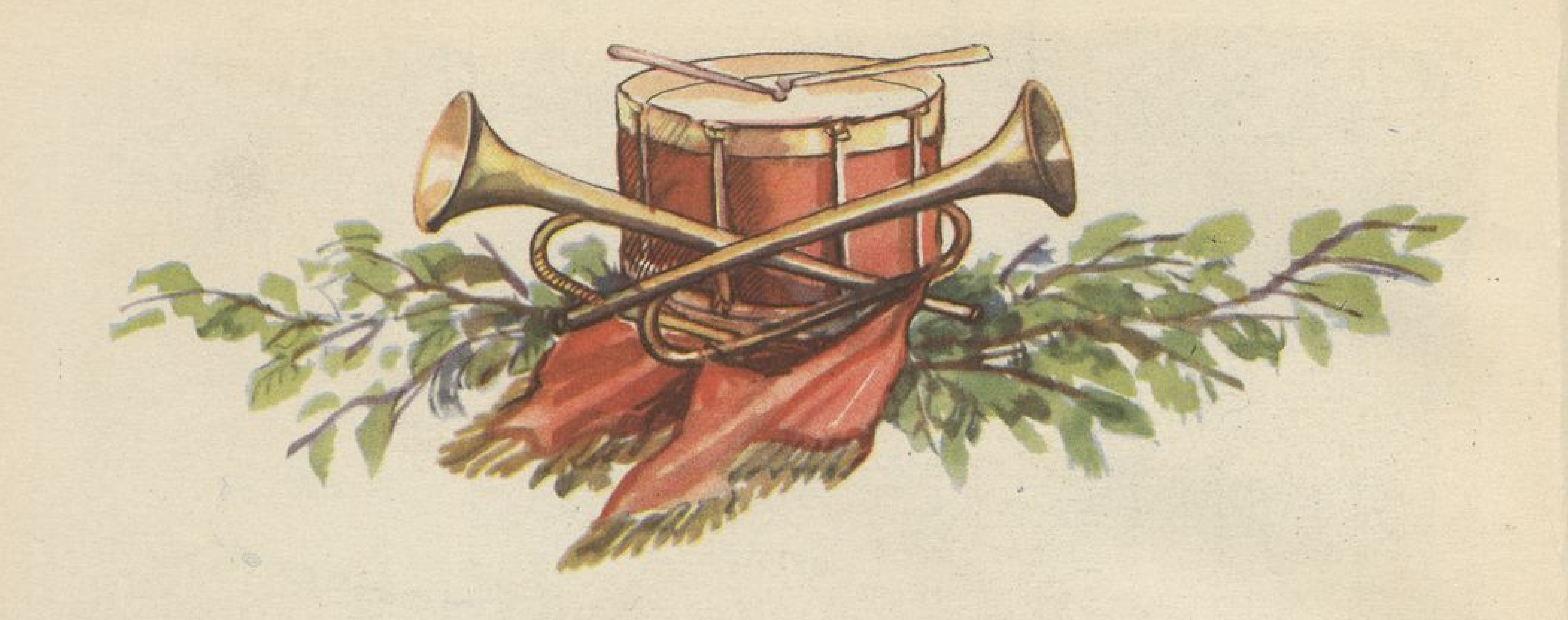

МУРЗИЛКА
№ 8
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов
АВГУСТ
1951

О. ВЫСОТСКАЯ

Рис. Н. СОКОЛОВА

УТРО В ЛАГЕРЕ

Росой умытая заря
Свежа и золотиста.
Встречают утро лагеря,
Звучит сигнал горниста.

Как рано солнце здесь встаёт!
Мы тоже встали рано
И дружно двинулись в поход
Под рокот барабана.

В родных лесах цветы цветут
И пахнет земляникой.
Мы солнцу отдаём салют
И Родине великой!

Вл. АРХАНГЕЛЬСКИЙ *Рис. П. КАРАЧЕНЦОВА*

Счастливый малыш

Лес подступал к реке сплошной зелёной громадой, и сосновые шишки могли падать с высоких вершин прямо в воду, между цветами белых и жёлтых кувшинок.

Берег густо зарос ежевикой, лиловыми цветами повилики. Кое-где виднелись стебли зверобоя.

— Здесь, — прошептал Вова. Он лёг у кромки берега и показал Мишке место рядом с собой.

День только начинался.

Над рекой клубился молочный туман. Но солнце уже пригревало, и невесомые белые хлопья, раскинувшиеся над рекой, таяли, как лёгкое облачко.

Мишка завозился и крякнул:

— Ну и красота! И домой ехать не хочется!

— Не шуми! — строго шепнул Вова. — И не приставай зря, а то ничего и не увидим.

— Ладно, — ответил Мишка приглушенным голосом, но сейчас же зашептал снова:

— А кто это делает: ци-ци-пее! Ци-ци-пее! И как ясно выговаривает!

— Это синица-гаичка. Она нас заметила, сигнал подаёт, — тихо сказал Вова, а потом спохватился и строго зашептал: — Лежи спокойно!

Мишка помолчал немного, сорвал ягоду ежевики, съел её и начал снова:

— Фить-ти-ти! Фить-ти-ти! Кто это? Ну, скажи, Вова, не сердись.

— И зачем я только взял тебя? Го-рихвост-ка, понимаешь? Такая она забияка, то и дело в драку лезет, пристаёт ко всем, вроде тебя, — улыбнулся Вова.

Он нередко обижался на Мишку, но дружил с ним крепко. И сейчас сказал не по-правдашному, а так — для острастки, чтоб Мишка сидел тише.

Мишка любил своего друга, гордился, что Вова — председатель совета дружины и самый хороший натуралист во всём отряде.

Две недели в туристическом походе Мишка помогал Вове наблюдать птиц,

делать чучела для уголка юннатов в школе. И помощник он был замечательный — смышлёный, послушный, верный. Только приставала такой, что ни один пионер не соглашался пробыть с ним наедине больше часа.

— А увидим мы его? — неожиданно спросил Мишка.

— Да молчи ты! Увидим, конечно. Вчера был — значит. и сегодня покажется. Он далеко не летает.

От вожатого Лёши, а ещё больше от Вовы много нового узнал Мишка во время похода: как в ночном лесу крохотными звёздочками горят светлячки; как висят весь день головами вниз летучие мыши в дуплах деревьев; где строят свои кучи из хвои хлопотливые муравьи.

А если в пруду или на реке вдруг начинают беспрерывно нырять гуси, если дико кричит по ночам сыч, если стрижи и ласточки чуть не задевают крыльями землю и молчаливо носятся вдоль дорог — значит надо ставить палатки и запасать сухие ветки, потому что скоро наступит ненастье.

Много и другого узнал Мишка: как по тени измерить высоту дерева, где сыскать лучший белый гриб, как не заблудиться в дремучем лесу. А сегодня, в последний день похода, Вова обещал ему показать птицу, которая строит гнездо на берегу, в норе, и устилает его не пухом, а рыбьими костями.

— Видишь? — спросил Вова. Он сильно сжал Мишкину руку и указал глазами на изумрудную птицу, которая быстро летела вдоль берега, изредка поводя головой с длинным, довольно толстым клювом.

Мишка не успел рассмотреть толком, а птица нырнула в воду, зелёным челноком скользнула под лист кувшинки и с маленькой рыбкой в клюве полетела над водой, редко взмахивая синими крыльями.

— Как в сказке! — прошептал Мишка, с благодарностью глядя на Вову чёрными глазами.

— Это зимородок, Мишка! Красив, а? Как попугайчик из зоопарка! Понёс рыбку птенцам, гнездо у него где-то близко. Поползём, а?

— Давай! — с жаром сказал Мишка.

И друзья по-пластунски двинулись в ту сторону, где скрылся зимородок.

Руки натыкались на хвою, под колени попадали сухие шишки, было больно и неудобно, но ничего не могло остановить таких юннатов, как Вова и Мишка.

Долго ползли ребята, но зимородка не увидали.

Мишка оцарапал коленку, сел и сказал:

— Надо отдохнуть. Посидим здесь, хочется мне зайца увидеть.

И только сказал Мишка эти слова, как в кустах послышался шум: кто-то тяжело прошёл по сухой земле и выбрался к воде.

Вова осторожно выглянул и тотчас же прижал палец ко рту: неподалёку стояла лосиха, высокая и стройная.

Медленно двигая головой, она прислушивалась. Тонкие ноздри её жадно ловили запахи.

Не отрывая губ от воды, она напилась и спокойно повернула голову в сторону леса. Из кустов выбежал длинноногий и словно горбатый лосёнок с непомерно большой головой и длинными подвижными ушами.

Он обнюхал песок, вошёл по колена в воду и начал пить.

— Гляди, и хвоста у него нет, — зашептал Мишка, еле сдерживаясь, чтоб не закричать от восторга. — Вот бы фотоаппарат!

Мишка представил, как он в школе показывает ребятам редчайший снимок, и заёрзал. Лосиха тревожно вскинула большую гордую голову, ударила копытом по воде, громко фыркнула и бросилась в реку.

Лосёнок потоптался на месте, недовольно мотнул головой и, оглянувшись, устремился за матерью.

Мать плыла, высоко задрав голову, сильно отталкиваясь ногами. А малыш, вытаращив чёрные глаза и часто перебирая под водой копытцами, медленно уходил от берега.

Лосиха вышла на берег и шумно отряхнулась, а лосёнка снесло течением, и он плыл теперь прямо против того места, где затаились Вова и Мишка.

Малыш с трудом миновал середину ре-

ки, потом вдруг закружился и так быстро скрылся под водой, словно его дёрнули за ногу.

Ребята вскрикнули.

Но лосёнок вынырнул. Рядом с ним показалась толстая верёвка с деревянной плашкой, а возле ребят всплыл у берега острый кол и чуть заметно двинулся за лосёнком.

Предчувствуя недоброе, Вова и Мишка вскочили и побежали к воде. Лосиха встряхнула головой, как разъярённая корова, и в три прыжка скрылась за соснами. А малыш еле выбрался на мелкое место, ударил задней ногой по верёвке и свалился на бок. Вода заливала ему голову, он громко фыркал мокрым чёрным носом, но не поднимался.

— Случилось что-то, — с тревогой сказал Вова раздеваясь. — Давай сигнал ребятам, сами мы не управимся. Я плыву на выручку.

Вова прыгнул в воду. Мишка дал три громких свистка и заметался по берегу.

Малыш почти задыхался, когда Вова поровнялся с ним и приподнял над водой его голову. Перепуганный лосёнок с ужасом глянул на своего спасителя огромными чёрными глазами.

Мишка свистнул ещё раз и сейчас же услыхал крики бегущих товарищей. Пять мальчиков во главе с Лёшей мчались, не разбирая дороги, а Мишка бегал по берегу и кричал:

— Живей! Живей!

Вода в реке заклубилась под ударами загорелых ног, и почти одновременно шестнадцать рук бережно подняли лосёнка и понесли к берегу.

— Что вышло-то? — громче всех шумел Мишка, придерживая малыша за левое ухо.

— А вот смотри, — сказал Лёша и поднял над водой кусок сети. — Кто-то на рыбу ставил, а попался лосёнок.

Трое ребят схватились за сеть и вытащили её. В ячейках сети трепыхались два леща, линь и ещё какая-то рыба, но в эти минуты она никого не интересовала.

Лёша придерживал лежащего на песке лосёнка, Вова с Мишкой распутывали его передние ноги.

— Хорошо, что снасть была привязана к колу и лосёнок вырвал его из дна. А если бы к дереву или к коряге — пропал бы ни за что наш малыш. Значит, счастливый он, — засмеялся Лёша и хлопнул лосёнка по мокрому крупу.

Когда сеть оттащили в сторону, Лёша накинул на шею малыша поясной ремень и хорошенько дёрнул. Малыш вскочил на четыре ноги сразу и потянул к лесу.

— Не пускайте! — завопил Вова. — Пусть отдохнёт, да и мы ещё поглядим на него!

Лёша удержал малыша, поставил его в круг ребят и сказал огорчённо:

— Вот ведь поторопился, аппарат не взял. А какой бы кадр получился!

— А мы и так его запомним, — сказал Мишка, лаская дрожащего малыша.

Всё рассмотрели у него ребята: и горбоносую голову с длинными, как у зайца, ушами, и жёлтенькие копытца, и тёмную намокшую шерсть на острой холке.

Но больше всего запомнились глаза: большие, блестящие. В них можно было смотреть, как в зеркало, и видеть свои стриженые мокрые головы.

— Нагляделись? — спросил Лёша.

— Да! — хором ответили ребята.

— Ну, прощай, малыш, расти большим да в сети не попадайся! — весело сказал Лёша и отпустил ремень.

— Ура-а-а! — крикнула дружина, да так громко, что в реке плеснулась испуганная рыба.

Из-под копыт лосёнка в глаза ребятам полетел песок.

И никто из пионеров не мог точно сказать, через какой куст лёгкой птицей пронёсся длинноногий малыш.

Он мчался на поиски матери.

Рис. Н. ЖУКОВА

Большая стирка.

Л. ВОРОНКОВА *Рис. В. ВЫСОЦКОГО*

КАК ДАНИЛКА ПУТЕШЕСТВОВАЛ

Данилка нашёл в чугуне, куда мать высыпает жар из печки, очень хороший уголёк. С этим угольком он тихонько ушёл в вишенник, куда выходит задняя стена хаты. И на этой белой стене Данилка нарисовал углём картину.

Данилка нарисовал гусака с раскрытыми крыльями и вытянутой шеей, длинной-предлинной. Гусак этот, широко расставив лапы, бежал за человечком, а человечек бежал от него с поднятыми руками и растопыренными пальцами. Вот бы Сашко увидел эту картину, то-то взъерепенился бы! Ведь именно за Сашко вчера так бежали гуси.

Не успел Данилка подумать, как вдруг сам Сашко заглянул в вишенник.

— Ты что — опять на стенках малевать?!

Данилка сразу нырнул в кусты смородины, а оттуда — прямо на улицу. Теперь, пожалуй, некоторое время Данилке не стоит попадаться Сашку на глаза. Но куда бы скрыться?..

На улице было тихо и безлюдно. Тоненькие молодые деревца, посаженные весной, стройно стояли вдоль дороги. А дорога уходила мимо них, далеко через всю деревню, через поле, и там, за полем, спускалась вниз, прямо к заводу, который стоит на самом берегу большого пруда. А вон и пруд видно, — блестит под солнцем. Хорошо на пруду: тёплая вода, отлогий песчаный берег, весёлые брызги, стайки пескарей...

«Побегу на пруд», — решил Данилка.

И чем дальше уходил Данилка от деревни, тем больше нравилось ему это одинокое путешествие. Он воображал, что едет на коне верхом и что конь у него очень ретивый, которого всё время нужно сдерживать. С горы он спустился, крепко упираясь, как это делают опытные лошади, осторожно спускающие воз. Вот

и отлогая низина, которую весной заливает водой. Вот и пруд лежит, голубой и неподвижный, и кривые ракиты, склонившись над ним, роняют в воду узкие листья, будто, забавляясь, пускают кораблики по воде.

Данилка замедлил шаг.

— Ну, коняка, — сказал он, — отдохни. Ступай потихоньку.

Вдруг резкий сигнал машины раздался сзади и вспугнул его, как задремавшего воробья. Данилка проворно отскочил в сторону, и мимо него промчалась огромная пятитонка, груженная свёклой. Она только дохнула на него мощным гулом мотора и, подняв пыль, скрылась за поворотом дороги. Данилка остановился:

— Ох, и машина же! Ну, сильна. А идёт как, у-у!

Данилка присел на дороге на корточки, чтобы получше разглядеть глубоко отпечатанный след широкой резной шины, он даже потрогал пальцами чёткие правильные линии узора. Если сесть в такую машину, куда можно умчаться!..

И ему уже представилось, как бы мчался он на этой машине среди свекловичных плантаций, среди сжатых полей, через лес, через горы и овраги, мимо незнакомых деревень и мимо неизвестных рек, которые, может быть, текут там за косогорами, и мимо больших садов, которые, может быть, там растут....

Бу!.. Бу!.. Бу!.. — вдруг хрипло прогудело сзади, и машина, такая же большая, как та, круто свернув в сторону, объехала Данилку. Данилка со страху сел прямо в пыль. Машина затормозила, и в открытое окно кабины выглянул шофёр — рыжеватый и весёлый, молодой шофёр Прокоп. Прокоп хотел обругать Данилку: «Шофёры возят свёклу, соревнуются, каждая минута дорога, а тут сидят на дороге, объезжай их!» Но, увидев испуганное Данилкино лицо, его вытаращенные глаза, Прокоп рассмеялся.

— Эй ты, пичужка! — крикнул он. — Откуда ты взялся? Садись, на завод отвезу!

Данилка, едва веря своим ушам, вскочил и, крепко топая босыми пятками, подбежал к машине. И одной минуты не

прошло, уж он сидел рядом с шофёром на упругом кожаном сиденье, и уже мчались мимо него прибрежные кривые ракиты с одной стороны и желтеющие плантации — с другой.

Только жалко, что путь был недалёк. Вскоре впереди показалась высокая труба завода. Завод стоял внизу, у самой воды, а труба его из тёмнокрасного кирпича поднималась над бугром, словно завод поднял свою огромную руку, говоря: «Я здесь, под горой. Не проскочите мимо!»

Машина плавно вкатилась на весы и стала. Прокоп вылез, а Данилка прижался в уголок и примолк: так ему не хотелось вылезать. Однако старый весовщик — дядя Левченко — увидел его.

— Эге! Лишний груз — долой!

Данилке пришлось вылезти. Встретив его смущённый и умоляющий взгляд, Прокоп засмеялся.

— Что, пассажир, высадили? Ну, подожди. Сгружусь — за свёклой вместе поедем!

Прокоп не обманул Данилку. Проезжая мимо весовой, он остановился и посигналил.

И снова мчалась машина по ровной дороге, оставляя сзади себя высокую пыль, и снова бежали пожелтевшие плантации с одной стороны и кривые ракиты — с другой.

— А ты, значит, не боялся, что я без тебя уеду? — спросил Прокоп. — Сидит себе в будке, сигнала ждёт, словно он директор какой!

Данилка весело поглядел на него.

— Ничего не боялся! А как же бы ты уехал? Ведь ты же обещал!

— Ну, мало ли что обещал! А взял бы да и проехал молча!

Данилка перестал улыбаться.

— Ну, тогда бы...

— Что тогда бы?

— Тогда бы я тебе сказал!..

— О! А что ж бы такое ты мне сказал?

— Я бы тебе сказал: обещал, а не сделал? Это не по-пионерски.

Прокоп рассмеялся. И так после этого подружился с Данилкой, что даже дал ему подержаться за «баранку».

— Берись за руль, давай рулить вместе, — сказал Прокоп. — Видишь след на дороге? Так по этому следу и погоним!..

Данилка хотел изо всех сил повернуть «баранку», но Прокоп удержал его.

— Э! Да разве так можно? Надо чуть-чуть тронуть. Видишь как? Чуть-чуть. Как лошадь вожжой трогаешь.

— Да, а разве она так почувствует? — удивился Данилка.

— Ну, ещё бы! — сказал Прокоп. — Она ведь умная!

И повторил ещё раз:

— Эх, если бы только ты, Данилка, знал, какая она умная!

По дороге мчались очень быстро, а как свернули на мягкую, взрытую землю, так и пошли медленней, и мотор загудел тяжелей.

— Ей тяжело? — спросил Данилка.

— Ничего, — ответил Прокоп, — я ей скорости убавил, ну, зато силы побольше дал.

Машина остановилась около белой кучки вырытой и очищенной сахарной свёклы. Прокоп выскочил из кабины и сразу закричал:

— Эй, деды! Где вы там? Грузите живей! Простаивать тут с вами...

— Да и так спешим, — ответил один грузчик, — чего кричишь-то?

— У меня минуты считанные — вот и кричу, — сказал Прокоп. — Мы же соревнуемся! Отставать мне из-за вас, что ли?

Грузчики подошли к машине и начали кидать лопатами свёклу в кузов.

— Сонные какие-то! — не вытерпел Прокоп. Он выхватил из рук одного грузчика лопату и сам принялся кидать свёклу. Данилка тоже подбежал к свекольной кучке, схватил корень и бросил в кузов, схватил было и другой... Но тут грузчики закричали на него:

— Отойди! Зашибём!

Данилка отошёл и встал около радиатора, прижав захолодевшие руки к его тёплой решётке. В поле начинало темнеть. Смутно белели на распаханной земле кучки ещё не убранной свёклы.

Вскоре Прокоп окликнул Данилку:

— Эй, пассажир! Едем!

Данилка вернулся домой к самому ужину. Усталый и довольный вошёл он в хату. Только опасался немножко — как-то встретит его Сашко?

Но Сашко, который бегал с ребятами в поле заливать сусликов, весело сказал:

— Эх, ты! Бегаешь где-то, а я восемь сусликов поймал!

И Данилка понял, что сердитый, но отходчивый брат его давно забыл и про гусака, нарисованного на стене, и про смешного человечка, который с поднятыми руками и растопыренными пальцами бежит от него.

ДАБЕ МАМСУРОВ

Рис. Т. ПОКРОВСКОЙ

РУЧЕЙКИ

Высоко под небом синим
Летом тают ледники,
И стремятся вниз, к долинам,
Голубые ручейки.

Каждый звонкий ручеёк
Не глубок и не широк.
И подумать даже можно,
Будто это ты, дружок,
Потерял неосторожно
Голубой свой ремешок.

Ручеёк бежит с весельем,
Распевает на бегу.
Сдвинуть камушек теченьем
Не под силу ручейку.

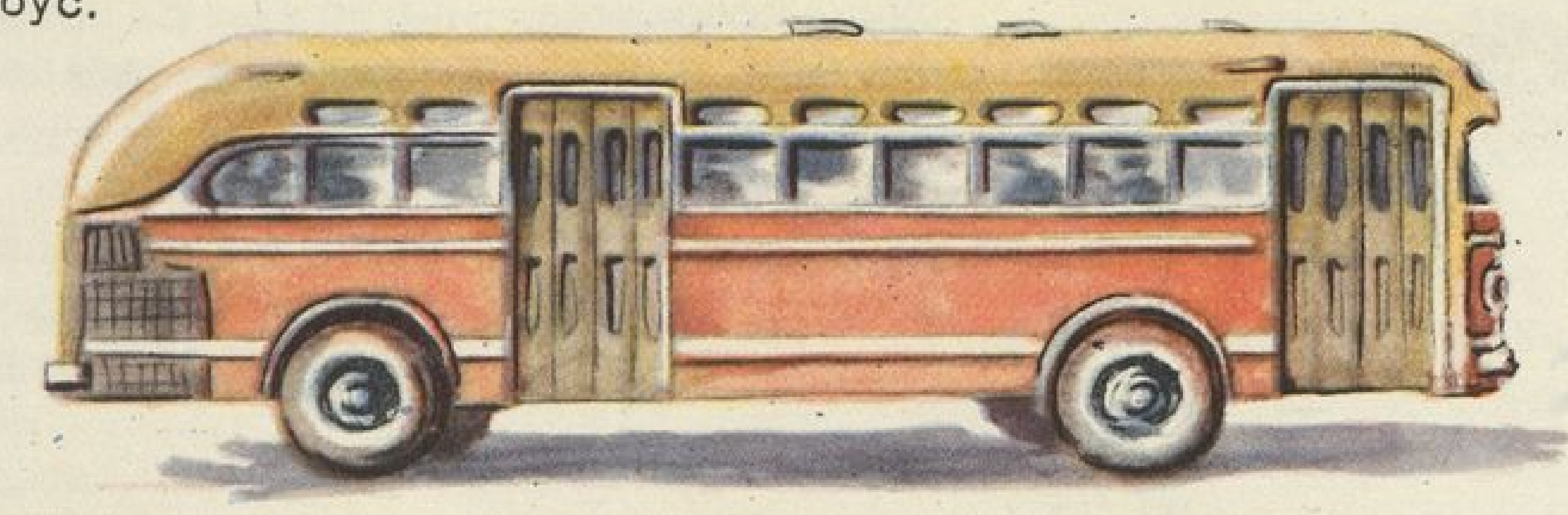
Ручейков весёлых песни
Слышат рощи и луга.
Ручейки сольются вместе,
И получится река.

На груди её седины,
Широко её русло,
И вращать в пути турбины
Ей совсем не тяжело.

Перевёл с осетинского Я. Козловский

Наши советски

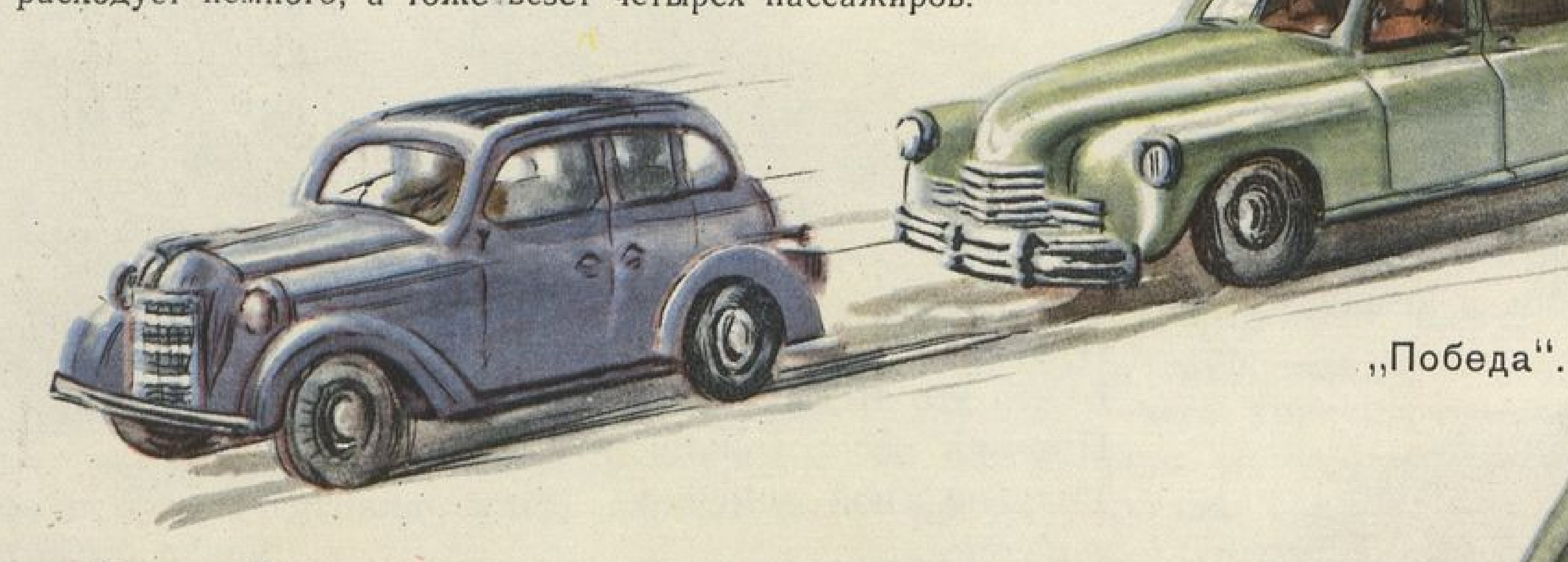
Пассажирский автобус.

По дорогам нашей родины, в городах, на строительствах, в колхозах взад и вперёд беспрерывно снуют автомашины.

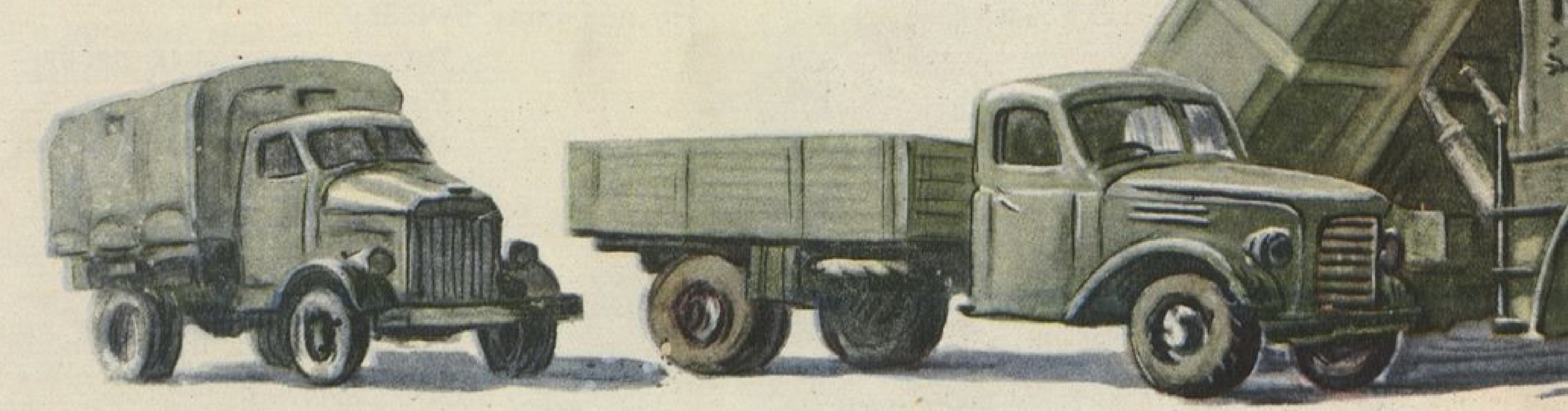
Вот мчатся легковые автомобили. Самая быстрая и сильная из них машина Московского автозавода имени Сталина «ЗИС-110». В ней удобно размещаются сразу семь человек, и везёт она их осторожно: ни толчков, ни тряски. А скучно станет пассажирам — радио можно включить; зимой отопление работает. Два других легковых автомобиля выпускает Горьковский автомобильный завод имени Молотова. Это пятиместная машина «Победа» и семиместная новая машина «ЗИМ».

А вот «Москвич», самый маленький автомобиль; бензина он расходует немного, а тоже везёт четырёх пассажиров.

„Победа“.

„Москвич“.

„ГАЗ-63“.

„ЗИС-150“.

ие автомобили

„ЗИМ“.

„ЗИС-110“.

Надёжны могучие грузовики — «ЗИС-150», «ЯАЗ-200». «ГАЗ-63» не боится бездорожья. Песок ли, болото, крутой подъем — всё нипочём, потому что у этой машины все четыре колеса ведущих. А самая большая машина — грузовик-самосвал. За один раз он берёт груза 25 тонн.

А ещё есть в нашей стране много машин, которые помогают нам в повседневной жизни.

Жаркий летний день, духота, в небе ни облачка — и вдруг дождь. Это проехала поливальная машина. И сразу воздух делается чище и дышится легче. Взрослые улыбаются, а ребятишки, те всё норовят под струю попасть.

Есть и другие специальные машины: одни подметают улицу, другие хлеб развозят, третьи — почту (машина-связь).

Вот сколько разных машин делают наши советские люди! И с каждым годом машин у нас будет всё больше и больше.

Грузовик-самосвал.

„ЯАЗ-200“.

Рис. Т ЕРЁМИНОЙ

И. ОСТРОВСКОЙ

САМОЛЁТ

У нас во дворе
Собрался народ —
Володя,
Алёша,
Серёжа.

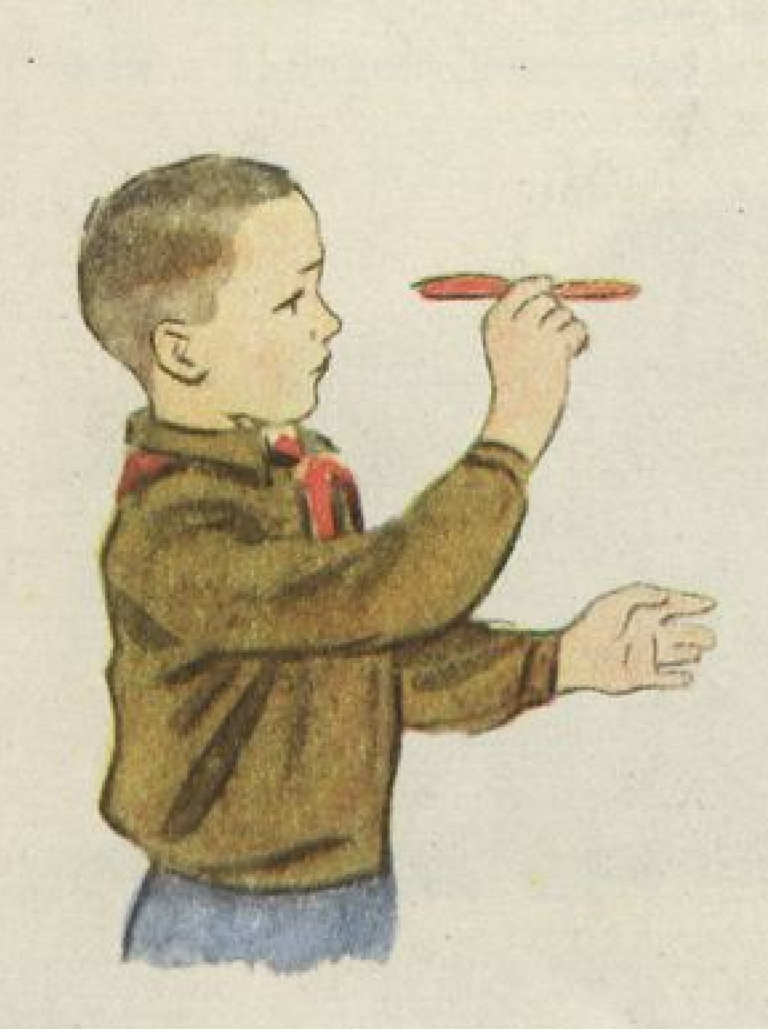
Решили они смастерить
Самолёт,
На лёгкую птицу
Похожий!

А ну-ка, ребята,
За дело пора!
По сердцу работа такая.
А если работу нашли мастера —
Найдётся и мастерская.

А ну-ка, за дело!
Всё у нас есть —
Три пары проворных рук,
Резина
и нитки,
подшипник
и жесть,
Бумага,
и клей,
и бамбук.

Сосновую рейку
Строгает Володя.
Легка она будет, прочна.
Такая хорошая рейка выходит —
Гудит под рукой, как струна!

А пламя коптилки прикручено,
Чтоб тонкий бамбук не сожгло.
И не спеша — как поручено —
Алёша сгибает крыло.

Серёжа вытачивает пропеллер —
Он важен и деловит:
Известно любому,

Что в каждой модели
Самое сложное — винт.

Бумагой оклеили папиросной
Стабилизатор и киль,
Прикинули:
Нет ли в крыле перекоса?
Проверили:
Части легки ль?

Ребята не ели, ребята не пили —
На рейке
И киль и крыло закрепили,

И чтоб самолёт их
Рванулся в простор,
К нему прикрутили
Резиномотор.

Наклеили алые звёзды,
И вот
К полёту
Готов самолёт!

Три друга
Машину несут над собой,
Шагают травой стадиона,
Шагают ребята весёлой гурьбой
На соревнованья района...

Вот слова команды быстрой.
Тишина — и грянул выстрел!
И модели от земли
Вверх пошли,
пошли,
пошли!..

И кричит друзьям Володя,
Машет радостно рукой —
Птица их
Всех выше ходит
В поднебесье над Москвой.

А судья — седой пилот —
Трёх друзей к себе зовёт.
— Хороша, — сказал, — работа,
Настоящий самолёт!

ОЛЕСЯ КРАВЕЦЬ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Спали под навесом. А под стрехой — гнездо ласточки. Утром, только-только покажется солнце, ласточки так защебечут, что даже Онись, который всегда так сладко и крепко спит, и тот проснётся.

Проснётся, глазами синими посмотрит и усмехнётся.

...Вот и сегодня, проснулся Онись и слушает: под стрехой, как всегда, ласточки щебечут, а на земле тоже какой-то писк слышен, стук.

Протёр глаза Онись, а это его бабушка около порога по досточке пальцем стук-стук, а вокруг неё цыплят видимо-невидимо! И сказать нельзя сколько!

— Бабушка, это откуда у тебя столько? — спрашивает Онись.

— Правление твоей бабушке цыплят доверило. Наилучшая, говорят, птичница, воспитает.

Тук-тук, — стучит бабушкин палец, а цыплята ходят, пшено клюют.

— Гляди, — говорит бабушка, — какие маленькие они, а скажи громко: «Тр-тр-тр!» — сразу прятаться побегут! Только на свет появились, а уж знают, что коршуна бояться надо!

Вдруг бабушка вспомнила, что нужно в контору пойти, просо цыплятам выписать.

А на дворе прохладно как-то стало, облака сгустились.

Контора недалеко, но беспокоится бабушка о цыплятах: сумеет ли внук собрать их всех, если дождь пойдёт?

Подумала, подумала бабушка, да всё же собралась итти. Накинула платок и говорит внуку:

— Онись, если дождь пойдёт, цыплят загони, чтобы не намокли, а то простудятся — подохнут!

— Хорошо, бабуня, — отвечает Онись.

Он играет: что-то важное делает. Около него на полу пучок золотой соломы, верёвочки, палочки — он плотину строит, будет с Иванком электростанцию делать. Онись берёт по одной соломинке и старательно переплетает ими тоненькие молодые лозинки.

Только бабушка за калитку — Онись выбежал во двор. Цыплята маленькие, мягонькие да кругленькие, как пуховки на вербочке, которые Онись любит и называет «котиками».

Мальчик сел на завалинку. Цыплята около ног сбились.

Онись задумался и не заметил, как тучи быстро надвинулись. Потом потемнело, и тяжёлые, большие капли дождя застучали по земле. Мальчик даже вздрогнул: будто его нарочно кто-то облил водой.

Капли дождя в сухую пыль — кап! кап! — шариками становятся. И сразу запахло влажной землёй.

Далеко кто-то кричал:

— Манька! Скорей!

Ветер налетел, тополь клонит к земле. Тополь около ворот крепкий да высокий вырос, а и его качает. Потом тополь вдруг выпрямился, а ветер промчался дальше, сердито загудел: у-у-у... только пыль поднялась, совсем так, как тогда, когда Иванко быстро бегает, только пыль курится!

Цив-цив-цив! — цыплята забегали, один к другому прижимаются, а дождь всё чаще и гуще...

Уже пыль прибил и западал, заспешил: та-та-та-та...

Цыплята головки прячут, мечутся...

Что делать? Пропадут цыплята! Бабушка доверила их Онисю. Приказала, если дождь будет, загнать в сени.

Онись стал на пороге, стучит пальцем, созывает цыплят, а они из-за дождя не слышат.

Простудятся, пропадут, — какая же будет ферма?

«Это же наше колхозное добро», — вспомнил Онись, как бабушка говорила.

Онись чуть не плачет: не слушают его цыплята! Да вдруг вспомнил про коршуна, как цыплята его боятся, закричал: «Тр! Тр! Тр!», выбежал на середину двора, руки широко расставил и погнал цыплят в сени.

А дождь стучит: та-та-та-та...

Чёрненький петушок первый смело на порог вскочил, за ним другие попрыгали через порог. Двух Онись около завалинки руками подобрал да и побежал в хату.

Бабушка Тарасиха получила просо для цыплят и заторопилась домой. Не стала бабушка ждать, когда дождь пройдёт. Сняла туфли, шнурками связала их и перекинула через плечо. Через другое плечо мешок перекинула — и домой.

Спешит, спешит Тарасиха. Онись маленький, может, забылся, заигрался, а цыплятам много ли нужно! Маленькие... Вот беда, в первый день — и такая беда: дождь!

Ещё издали увидела бабушка тополь у ворот.

Вот и двор. Бросилась бабушка к калитке, вошла во двор — вокруг всё тихо. Подбежала к двери, щеколдой стукнула — в сенях тихо, в ящике пусто... нет цыплят... Метнулась Тарасиха в хату.

— Онись! А где же... — и не договорила.

Прямо против двери, на полосатом рядне лежал Онись, спал. А вокруг него, будто около курицы-квочки, цыплята спят, греются.

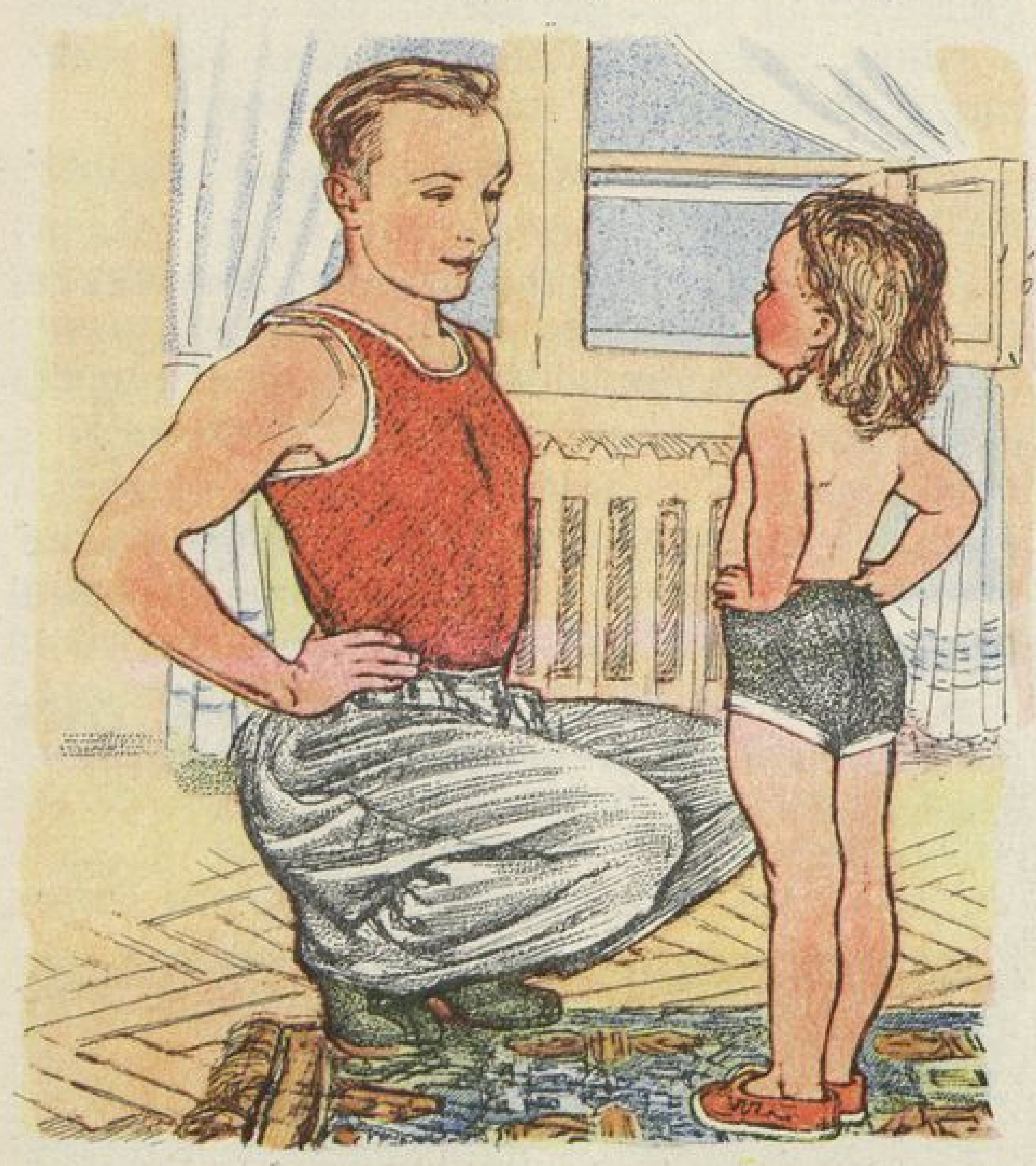
На полу и солома, и жёлтые прошлогодние кукурузные листья, и кругленькие зёрнышки пшена, щедро насыпанные Онисем.

А на дворе уже снова солнце в окно бабушкиной хаты засматривает, смеётся, смеётся...

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ *Рис. А. ПАХОМОВА*

НАША ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

Рано утром просыпается
Наша дружная семья.
Папа с дочкой занимается:
Слева — папа, справа — я!

Нарисует папа дом,
А построят дом потом!

В детский сад без опозданья
Дочка с мамою пришли.
— Ну, дочурка, до свиданья!
Слушай старших, не шали.

Мама держит мел в руке,
Мама пишет на доске
Наши первые слова:
«СТАЛИН. РОДИНА. МОСКВА».

Наступает час обеда.
За столом идёт беседа.

Перед сном у нас купанье —
Катю с Таней моют в ванне.
Очень скоро мы вдвоём
Не поместимся: растём!

Мама мне читает книжку
И про волка и про мишку.
Я сижу — не шевелюсь,
Потому что их боюсь!

Баю-баюшки-баю!
Баю доченьку мою!
Это — мама напевает,
Это — Катя засыпает...

Рис. Е. РАЧЁВА

ХИТРАЯ ЛИСА

(Корякская сказка)

Далеко на востоке, в той стороне нашей родины, где восходит солнце, живёт маленький народ — коряки. Живут они вдоль большой реки Пенжины и на побережье холодного Берингова моря.

В море этом водятся моржи, тюлени, киты и много разной рыбы. Летом главная охота коряков в море; зимой же они ставят ловушки на песцов, лисиц, горностаев и других зверей.

До революции промышленники и царские чиновники всячески обманывали коряков. Спаивали их вином и за бесценок выменивали дорогие меха и шкуры морских зверей.

Теперь о жизни коряков заботится наша советская власть. После революции туда поехали учителя, врачи, научные работники. Там построены школы, больницы, библиотеки, красные юрты. Из корякского народа выучились теперь свои учителя, свои врачи. Коряки выбирают своего депутата в Верховный Совет СССР. В Москве вместе с другими депутатами он управляет нашим государством, а значит делами и своего народа.

Коряки хорошо знают повадки всех зверей, которые их окружают. А кто около чего живёт, тот о том и рассказывает в своих сказках.

Нина ЕМЕЛЬЯНОВА

Сидит лиса на берегу и думает:

«Как бы мне рыбки свежей поесть?»

Смотрит лиса, а по речке бревно плывёт, на бревне две чайки сидят.

Спрашивает лиса:

— Что вы, чайки, делаете?

— Рыбу ловим.

— Возьмите и меня с собой!

— Прыгай!

Прыгнула лиса. Бревно перевернулось, чайки улетели, а лиса в воду упала.

Понесло лису вниз по речке, вынесло в море. Видит лиса — кругом вода. Говорит она своим лапам:

— Ну-ка, вы, лапы, будьте мне вёслами!

А хвосту говорит:

— Ну-ка, хвост, будь рулём!

Вот плывёт лиса, будто в лодке. Лапы, как вёсла, воду загребают, хвост, как руль, поворачивается — туда-сюда, туда-сюда.

Только забыла лиса хвосту сказать, чтобы он к берегу правил. Правит он в открытое море.

Плыла лиса, плыла, а берега всё нет. На самую середину моря заплыла. И не знает лиса, куда ей теперь плыть.

Тут встретила она тюленя.

Говорит тюлень:

— Куда ты, лиса, заплыла? Заблудилась, верно, у нас в море. Не доплыть теперь тебе до берега.

А лиса говорит:

— Знаю, куда плыву. Хочу посмотреть, есть ли ещё звери в морских водах. Слыхала я, будто вас уж совсем мало осталось.

Тюлень отвечает:

— Нет, много ещё зверя в морских водах. И нас, тюленей, и моржей, и китов.

— Будто уж! — говорит лиса. — Пока сама не увижу, ни за что не поверю. Подымайтесь-ка вы все, звери, из морской глубины и ложитесь в ряд до самого берега. А я считать буду!

Тут поднялись наверх все тюлени, моржи и киты и легли на воду в ряд до самого берега.

А лиса по их спинам, как по мосту, побежала. Бежит и считает:

— Один тюлень, два тюленя, три тюленя... Один морж, два моржа, три моржа... Один кит, два кита, три кита...

Так добежала лиса до берега. Выскочила на берег и кричит тюленю:

— Правду ты сказал, тюлень: много ещё вас, глупых зверей, в морских водах. Через всё море мост из вас построить можно! Ну, теперь плывите, куда хотите, а я отдыхать буду!

ПОСЕЯЛИ МАК

Шутка

А. БАРТО | *Рис. Ю. КОРОВИНА*

Третий класс посеял мак,
Не на клумбе, просто так!

Прибежал третий класс
К Нине Алексеевне.
Все кричат: — Поздравьте нас,
Мы цветы посеяли!

Маки — новые сорта,
Все оттенки, все цвета.

Сеяли, как надо,
А не как попало.

Целая бригада
Землю вскопала,
А вожатая звена
Раздавала семена.

Третий класс посеял мак,
А растёт какой-то злак
Вроде кукурузы.
Вверх пробился кое-как
Стебелёк кургузый.

Прибежал третий класс
К Нине Алексеевне.
Все кричат: — Спасите нас,
Мы не то посеяли!

Тут вожатая звена
Говорит: — Моя вина —
Перепутала пакеты,
Раздавая семена.

Подвела я всё звено,
Экая досада! —
Говорит: — Меня давно
Перевыбрать надо!

Всё я сделала не так!
Я для нас обуза!
Мы хотели сеять мак,
Вышла кукуруза!

Все сказали: — Не беда,
Ошибиться иногда —
Это может всякий!
Кукуруза пусть растёт,
А на следующий год
Мы посеем маки.

Прибежал третий класс
К Нине Алексеевне.
Все кричат: — Поздравьте нас,
Злаки мы посеяли!

ПЕНЬ И ОПЯТА

Старый пень
С молодыми опятами —
Словно дед
Со своими внучатами.
Облепили так тесно всего,
Что совсем и не видно его.
И красуется
В чаще
Густой
Развесёлый
Букет
Золотой.

Е. БЛАГИНИНА

ПЕСЕНКА ОГОРОДНИКОВ

Огородники идут,
Грабли, заступы несут.
Не успеешь
Оглянуться —
Тыквы, дыни зацветут!

На рассвете мы встаём,
В поле с песнями идём,
Огородную
Работу
Начинаем всем звеном.

Будем землю разрыхлять,
Хорошенько удобрять,
Да полоть
Почаще грядки,
Не лениться поливать.

Дни бегут, бегут, бегут —
Огурцы во-всю растут!
— Надо пугало
Поставить! —
Нам друзья совет дают.

Встал горошек на тычки,
Гордо выпустил стручки,
Разлеглись,
Как поросята,
В огороде кабачки!..

Золотым осенним днём
С огорода мы идём,
Распеваем
Громко песни,
В тачках овощи везём.

А с огромным кавуном
Еле справились... втроём!
Все решили —
Великана
Мы на выставку пошлём!

ТАТЬЯНА ВОЛГИНА

Обложка Г. Никольского

Художественный редактор Н. Попов *Рукописи не возвращаются* *Технич. редактор З. Тышкевич*

Год издания двадцать седьмой **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06. Подписано к печати 2/VII 1951 г. А03700
2,8 уч.-изд. л. Бумага $60 \times 92^1/_8$=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 250 000 экз. Заказ 1364

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21.

СЕМЕНА ДЕРЕВЬЕВ
Рис. А. РОМОДАНОВСКОЙ
Дуб
Липа
Берёза
Вяз обыкновенный
Клён татарский
Ель
Ясень обыкновенный